Особенности индивидуального стиля Э. Хемингуэя на примере военных произведений

Насон Наталья Васильевна
старший преподаватель кафедры ТиПАЯ
Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины
г. Гомель, Беларусь
E-mail: forlang@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности репрезентации военной темы в творчестве Э. Хемингуэя. Определяется специфика повествования в произведениях писателя и дается характеристика основных лексических стилистических средств.

Критики пишут о влиянии стиля Э. Хемингуэя на творчество таких писателей разных стран, как Джон О'Хара и Джеймс Олдридж, Грэм Грин и Генрих Бёлль, Франко Солинас и Золтан Фабиан.

Американский литературовед В. Т. Стеффорд в книге, посвященной литературе США XX века, говорит о стиле Э. Хемингуэя: «Стиль никогда не будет в Америке таким, каким он был бы без его примера... Влияние лаконичной прозы Хемингуэя не только на англоязычных писателей, но и на писателей других стран значительно...» [1, с. 29].

В 1954 г., когда Э. Хемингуэя награждали Нобелевской премией, в решении комитета было записано, что он выработал «мощный стиль, который является достижением искусства современного повествования» [2, с. 103–104].

При исследовании стиля военных произведений Э. Хемингуэя внимание прежде всего привлекает одно обстоятельство: несмотря на внешнюю скупость изложения, почти полное отсутствие оценочных определений, эпитетов и тропов, оно оказывает чрезвычайно сильное эмоциональное воздействие.

Исследования показывают, что для этого Э. Хемингуэй пользуется целой системой средств, основные элементы которой — предельно четкая организация структуры высказывания и чрезвычайная эффективность кодирования сообщения.

Как известно, для передачи одной и той же информации язык располагает целым рядом синонимических средств. От выбора соответствующих средств зависит эффективность сообщения в передачи информации. Как правило, в наших сообщениях содержится избыточная информация, т. е. получаемая информация оказывается меньше суммы единиц, затраченных на ее сообщение. Это означает неизбежную перегрузку канала сообщения и недостаточную эффективность кодирования. У Э. Хемингуэя наблюдается обратный процесс: информация, заложенная в каждом (или почти каждом) его сообщения, больше суммы единиц его передачи, т. е. каждая единица сообщения у Хемингуэя несет не только основную, но и дополнительную, имплицированную, информацию [3, с. 77].

Увеличение емкости сообщения происходит за счет событий и фактов, оставшихся за пределами текста, которые по времени предшествовали изложению. Так в качестве средств создания импликации используются, например, определенный артикль, местоимения.

Определенный артикль является основным носителем значения соотнесенности, предполагающего номинацию уже знакомого, ранее называвшегося объекта. Позиция фразы,

в которой содержится определенный артикль, несущественна для реализации значения определенной соотнесенности. В том случае, когда такая фраза открывает произведение, она приобретает несвойственный ей характер продолжения рассказа об известных событиях, хотя они называются в первый раз. Эффект «начало с середины» создается определенным артиклем, употребленным инициально, т. е. без предварительной экспозиции вводимого им объекта. Такая позиция определенного артикля увеличивает смысловую емкость повествования без расширения объема, что создает глубину смысла при лаконизме фразы. Например, "The road of the pass was hard and smooth and not yet dusty in the early morning.«(Che Ti Dice La Patria?). Определенный артикль является одним из главных средств создания импликации предшествования в стиле Э. Хемингуэя и отличается высокой частотностью в военных романах писателя. Очень часто определенный артикль в прозе Хемингуэя встречается в начальных абзацах романов и рассказов. Чем значительнее цепь событий, оставленных за пределами повествования и имплицируемых определенным артиклем, тем выше его частотность в начальном абзаце, тем сильнее эффект продолжения рассказа о знакомых объектах.

Аналогичную роль в создании импликации предшествования играют личные местоимения. Если повествование начинается личным местоимением, то оно создает импликацию продолжения ранее начатого рассказа: «The strange thing was, he said, how they screamed every night at midnight» (On the Quai at Smirna) [4, с. 73]. Или, например, «They started two hours before daylight...» [4, с. 5]; «They shot the six cabinet ministers at half past six in the morning against the wall of a hospital» («in our time», chapter VI); «They hanged Sam Cardinella at six o'clock in the morning in the corridor of the county jail» («in our time», chapter XVII). По содержанию каждая из фраз является не вводной, начинающей рассказ, а скорее финальной, завершающей что-то сказанное раньше. В ней сконцентрировано основное содержание главы. В связи с этим все последующее изложение, знакомящее нас с подробностями происшествия, воспринимается не только и не столько в плане основной информации, сообщаемой им [3, с. 80].

В качестве коннотации Э. Хемингуэй умело использует и структурные связи, закрепленные за определенным словом или выражением, относясь к ним как к некой данности, которую не нужно доказывать.

Дополнительные значения и оттенки значения, сообщаемые словам в контексте, т. е. дополнительную информацию, загруженную в основные единицы сообщения, можно также проследить на использовании Э. Хемингуэем глагольных форм. При этом глагольные коннотации можно разделить на языковые — те, которые свойственны глаголу в исходном положении в словаре и развиваются в контексте, и речевые — те, которые создаются в контексте.

К первой группе относятся полисемичные глаголы, одно из зафиксированных в языке значений которых метафорично. Благодаря своей метафоричности, пусть даже частично или значительно стертой, они вызывают в сознании читателя образ, т. е. несут, помимо основной, дополнительную информацию. Вторую группу составляют глаголы с речевой коннотацией. Эта группа довольно многочисленна, так как писатель организует контекст так, что большинство из употребляемых им глаголов оказываются нагруженными «двойной» ношей.

Произведения Э. Хемингуэя примечательны тем, что достижение их символической объемности возможно даже и при полном отсутствии риторических фигур и тропов. Например, в рассказе «Cat in the rain» нет не только метафор и сравнений, в нем нет ни метонимий, ни синекдох. Рассказ «метонимичен» в структурном смысле: его минимальные семантические единицы выбраны из единого контекста, континуума временных и пространственных смежностей, и все они получают весомость только благодаря отбору, повтору и противоположению друг другу.

Э. Хемингуэй — большой мастер отбора и продуманного сочетания фактов. Стремясь

к выразительности и лаконизму, он делает ставку на яркую, впечатляющую деталь, которая как бы концентрирует определенные важные жизненные явления.

Вся совокупность стилистических приемов Э. Хемингуэя направлена на достижение максимального эмоционального эффекта. Ничего не расшифровывается. Цель писателя — дать толчок воображению, взволновать, вызвать глубокий интерес и сочувствие к героям, т. е. активизировать читателя. Э. Хемингуэй ничего не подсказывает, сообщает скупые факты, предоставляя читателю самому приходить к определенным выводам [4, с. 254–256, 261–262].

Таким образом, Э. Хемингуэй использует целый ряд стилистических средств, что делает язык его военных произведений очень ярким и выразительным. Тот факт, что Э. Хемингуэй часто прибегает к средствам создания импликации и использует дополнительные значения слов, в значительной мере способствует формированию подтекста, иначе говоря, глубинного смысла произведения.

Список использованной литературы

1. Штандель А. Б. Некоторые особенности стиля Хемингуэя-романиста // Вестник Московского университета. — 1974. — № 1. — С. 29–40.
2. Денисова Т. Н. Экзистенциализм и современный американский роман. — Киев: Навукова думка, 1985. — 348 с.
3. Кухаренко В. А. К вопросу об особенностях языка и стиля Э. Хемингуэя // НДВШ. Филологические науки. — 1964. — № 3. — С. 76–83.
4. Hemingway E. Across the River and into the Trees. — Canada: Granada Publishing Ltd., 1984. — 224 p.
5. Маянц З. Человек один не может. — М.: Просвещение, 1966. — 310 с.